

Карело-финский эпос

—

Калевала

Москва
2024

УДК 398.2(4)
ББК 82.3(0)-6
К17

Иллюстрации на обложке и форзацах — *Пихта*.

Оформление серии *С. Костецкого*

К17 **Калевала** : карело-финский эпос / [перевод с финского Л. П. Бельского]. — Москва : Эксмо, 2024. — 704 с.

ISBN 978-5-04-195269-3

В окружении бескрайних лесов, холодных рек и острых скал лежит страна Калевала. Мудрец Вяйнямёйнен усыпляет врагов, играя на кантеле из щучьих костей. Кузнец Ильмаринен кует волшебную мельницу Сампо — источник благополучия и изобилия. Безрассудный охотник Лемминкяйнен совершает подвиги, чтобы добиться возлюбленной. А в туманной Похьеле обитает могущественная старуха Лоухи, укравшая луну и солнце.

«Калевала» — это величественный эпос, созданный финским фольклористом Элиасом Лённротом (1802–1884) на основе карельских и финских народных песен. Книга состоит из пятидесяти рун, среди которых легенды о создании мира, о древних богоподобных героях и колдунах, о подвигах и свершениях.

Издание выходит в классическом переводе Леонида Бельского, сопровождается вступительной статьей и примечаниями.

УДК 398.2(4)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-04-195269-3

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Мы понемногу начинаем сознавать, что разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре.

В.Я. Пропп. «Фольклор и действительность».

Фольклор, будучи «кладезем народной мудрости», может многое поведать нам об истории народа, его языковых и культурных корнях. Как без прочтения «Старшей Эдды» невозможно глубинное понимание скандинавского фольклора, так же невозможно понимание карело-финской культуры без прочтения главного ее эпоса — «Калевалы».

Собранная из пятидесяти рунических песен (также именуемых «рунами») финским фольклористом Элиасом Лённротом (1802—1884), «Калевала» представляет собою масштабный эпос о сотворении мира, рождении легендарных богатырей, их противостоянии и объединении в борьбе за благополучие и процветание волшебной страны Калевалы, названной так в честь праотца всех финно-угорских героев — Калева.

Говоря о «Калевале», невозможно не рассказать о ее составителе, — Элиасе Лённроте — личности которого также обросла поверьями и сказаниями. С малых лет мальчику из семьи простого портного приходилось усердно трудиться и в поле пастухом, и за прялкой подмастерьем. Учился же он до самого рассвета — когда еще первые петухи не начинали будить людей и зверей, юный Элиас выходил во двор и забирался на дерево, где проводил время за

учебниками до тех пор, пока не начиналась утренняя деревенская суета. Одна из соседок даже будила детей такими словами: «Вставайте, Лённрот давно уже слез с дерева со своими книжками!»

В результате усердного собирания древних сказаний, пословиц и поговорок во время путешествий по финской и русской Карелии Элиасом Лённротом было записано пятьдесят рун, которые вошли в состав монументального карело-финского эпоса «Калевала» — одного из важнейших памятников карело-финской культуры по сей день.

И хотя повествование не имеет четкой структуры (от рассказа о Вяйнямёйнене оно может переключиться на историю о походе чародея Лемминкяйнена в мрачную и суровую страну туманов Похьёлу, и обратно), оно все еще воспринимается как целостное, а мир в ней хоть и удивителен происходящими событиями и явлениями, но подчинен внутренней логике. Начинается «Калевала» с сотворения мира и прихода в него вечно юного старца Вяйнямёйнена, сына Ильматар, а завершается его отбытием из страны Калевалы, когда он, исполнив последнюю свою песнь, решает уступить место чудотворно рожденному младенцу Марьятты. История совершает полный оборот, и одно поколение, подобно временам года, сменяет другое:

Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал короб многострунный,
Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу:
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна.

В рунических песнях удивительным образом сочетается реальное и чудотворное, открывая читателю первобытную прелесть магического сознания. Природные явления происходят по воле могущественных чародеев, способных своими словами преобразовать мир: благодаря мальчику Сампсе Пеллервойнену на голой земле Калевы вырастают деревья, а после обращения к покровителю охотников Хийси волшебник Лемминкяйнен добывает для будущей невесты живого лося и увозит в Похьёлу.

Мир в «Калевале» разделен условно на два полюса: саму Калевалу, — обетованную землю, где живут все главные герои эпоса, — и мрачную туманную Похьёлу, которой правит злобная старуха Лоухи и которая граничит с загробным миром, Маналой. И тот, и второй край находятся на севере, и все же суровый северный климат Похьёлы описан настолько красочно и емко, что читатель прочувствует этот скрипучий мороз даже в теплое время года:

В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!..

Именно там героям — сперва Лемминкяйнену, затем Вяйнямёйнену и потом, наконец, умелому кузнецу Ильмаринену предстоит найти себе жену и, руководствуясь этим, выковать Сампо — волшебную мельницу, дарующую урожайность и счастье. Эта история перекликается не только с общим для многих славянских сказок и мифов сюжетом об испытании, которое предстоит пройти герою ради обретения любимой, но и с сюжетом, согласно которому искать ее предстоит «за тридевять земель».

В вечно молодом старце Вяйнямёйнене нашли воплощение и народная простота, и многовековая мудрость, способная поднимать с озер воду и рассыпать на небе звезды. Противостоит ему юный Ёукахайнен, который в силу надменности и зависти вступает с Вяйнямёйненом в певческий поединок, однако терпит неудачу. И хотя оба они, согласно рунам, происходят от одного праотца Калева, происхождением они различны, и Вяйнямёйнен ближе к полубогам, чем к людям, в противоположность Еукахайнену.

Подобные незначительные противоречия, как и странность в подсчёте зерен при посеве Вяйнямёйненом, которых он насчитывает шесть, однако позже их становится уже семь, ничуть, однако, не сбивают с толку читателя, а лишь погружают в магическое мышление певца-рассказчика, а также в мир этой чудесной страны.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Все шесть зерен вынимает,
Семь семян берет рукою,
Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.

Погружаясь в мир «Калевалы», читатель сможет заметить параллели и с произведениями славянского фольклора (злая старуха Лоухи тождественна славянской Бабе-яге, которая дает герою задачу пройти некое испытание «с подвохом»), и даже, возможно, с греческими мифами (Ильматар, дочь воздуха, становится матерью всего сущего¹, как и Гея, мать Урана, стала причиной появления олим-

¹ «Калевала», руна первая, стих второй.

пийских богов и всего живого¹), однако при этом труд, собранный Элиасом Лённротом, уникален как сюжетами и пейзажами, так и поэтическим слогом:

Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.
Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!

История написания «Калевалы» была бы неполной, а само появление этой книги в том виде, в каком она попала к вам в руки, было бы и вовсе невозможным, если бы не труд критика и переводчика Леонида Петровича Бельского (1855–1916). Впервые он услышал о «Калевале» на лекциях фольклориста и основателя русской мифологической школы, Федора Ивановича Буслаева (1818–1897), который и посоветовал ему заняться переводом эпоса и его адаптацией для русского читателя.

Ради этого Бельский выучил практически в совершенстве финский язык, а на непосредственно перевод у него ушло пять лет. При всем этом, однако, он постоянно вносил правки в свою работу, и уже в 1915 году в свет вышло дополненное и рас-

¹ Обнорский В. Гея, Геа (Гейя) // Энциклопедия классической греко-римской мифологии. — Остеон-Групп, 2014 — 2400 с.

ширенное издание «Калевалы». Несмотря на время, перевод «Калевалы» в исполнении Бельского до сих пор не утратил своей певучести и поэтичности.

«Калевала», вне всяких сомнений, сможет надолго увлечь и ценителей устного творчества разных народов мира, и поклонников эпоса, и даже неискушенного в вопросах народной поэзии и фольклора читателя.

Анастасия Сухарева

РУНА ПЕРВАЯ

Вступление (1–102). — Дочь воздуха опускается в море, где, забеременев от ветра и воды, становится матерью воды (103–176). — Утка свивает гнездо на колене матери воды и кладет там яйца (177–212). — Яйца выкатываются из гнезда, разбиваются на кусочки, и кусочки превращаются в землю, небо, солнце, луну и тучи (213–244). — Мать воды сотворяет мысы, заливы, берега, глубины и отмели моря (245–280). — Вяйнямйнен рождается от матери воды и долго носится по волнам, пока наконец не достигает суши (281–344).

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
5 Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
10 Раскрывают мои зубы.
Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.

15 Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлись!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
20 В крае севера убогом.
 Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;
25 Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.
Я собрал все эти речи,
30 Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомъели,
И на стрелах Ёукахайнен, —
35 В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.
 Их певал отец мой прежде,
Топорище вырезая;
Мать меня им научила,
40 За своюю прялкой сидя;
На полу тогда ребенком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком еще, малютка,
45 Пели мне они о Сампо
И о чарах хитрой Лоухи,
И старело Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоухи,
С песней Випунен скончался,
50 В битве умер Лемминкяйнен.

Слов других храню немало
И познаний, мне известных:
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
55 Их с кусточков отломил я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах,
Их я поднял на дороге,
Пастухом бродя по тропкам,
60 И на пастбищах мальчишкой,
Где луга богаты медом,
Где поляны золотые,
Вслед за Муриikki-коровой
И за пестрой идя Киммо.
65 Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне наваял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
70 Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку
75 И к избе привез на санках,
На санях привез к овину
И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.
Долго песни на морозе,
80 Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью сундук поставить,
85 Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей;

Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный,
За конец клубок не взять ли
90 И моток не распустить ли?
 Песню славную спою я,
 Зазвучит она приятно.
 Если пива поднесут мне
 И дадут ржаного хлеба.
95 Если ж мне не будет пива,
 Не предложат молодого,
 Стану петь и всухомятку
 Иль спою с одной водою,
 Чтобы вечер был веселым,
100 Чтобы день наш был украшен
 И чтоб утренним весельем
 Завтра день у нас начался.

* * *

Я, бывало, слышал речи,
Слышал, как слагались песни.
105 По одной идут к нам ночи,
 Дни идут поодиночке —
 Был один и Вяйнямёйнен,
 Вековечный песнопевец, —
 Девой выношен прекрасной,
110 Он от Ильматар родился.
 Дочь воздушного пространства,
 Стройное дитя творенья,
 Долго девой оставалась,
 Долгий век жила в девицах
115 Средь воздушного простора,
 В растянувшихся равнинах.
 Так жила — и заскучала,
 Странной жизнь такая стала:
 Постоянно жить одною

120 И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.
И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
125 На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
130 Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
135 Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
140 Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался.
Мать воды, она металась
То к востоку, то на запад,
145 То на юг, а то на север
И ко всем небесным странам,
Тяжко мучимая болью,
Полнотой в тяжелом чреве —
А родов не наступало.
150 Не зачатый — не рождался.
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«Горе мне, судьбой гонимой,
Мне, скиталице, бедняжке!
155 Разве многого достигла,